

Нова Україна
інститут стратегічних досліджень

Гибридные проявления гибридной войны

СЕРПЕНЬ 2015

Вступление

События и процессы, происходящие в период вооруженного конфликта на Донбассе, получили частое общее определение «гибридной войны».

Этим термином принято обозначать множество проявлений конфликта, не связанных между собой в рамках, имеющих в обществе классических представлений о войне. В силу этого смысл и протекание общественных изменений последнего времени представляют собой достаточно сложный и противоречивый предмет для осмысления. Согласно принятому пониманию, гибридная война (англ. hybridwarfare) — термин, предложенный в конце XX века в США для описания военной стратегии, объединяющей в себе обычную войну, малую войну и кибервойну. Этот термин обозначает разновидность войны, которая включает симбиоз активного применения вооружения с параллельными информационными спецоперациями в виде масштабного использования киберпространства и стратегической связи для многонаправленной и эффективной информационной кампании как для внутренней, так и для внешней аудитории. Вместе с тем следует понимать, что война — это один из процессов общественной жизни, она не охватывает всей палитры отношений в нем и потому через логику войны невозможно понять, что же происходит в это время с обществом в целом, какие процессы в нем созревают и возможны в принципе.

В контекстах мировых геополитических и геоэкономических процессов трансформации украинского общества воспринимаются весьма противоречиво и зачастую слишком упрощенно. Поэтому оценка внешних факторов и процессов, а также внутренняя политическая борьба исключаются из непосредственного фокуса нашего аналитического исследования, переводя главное внимание на непосредственно внутриукраинские общественные изменения. Безусловно, существующие идеологические формулы играют свою функциональную роль в существующем конфликте — позволяя решать возникающие проблемы в контекстах интересов различных субъектов-участников событий в Украине и вокруг неё. Понимая всю важность внешних факторов, вовлеченных и определивших тем или иным образом войну, авторы предлагают посмотреть на происходящие события в контексте параллельных «гибридной войне» внутренних «гибридных последствий», приблизиться к пониманию и описанию феноменов, а также качественных изменений самого украинского общества.

С началом войны в массовом сознании стали происходить определенные трансформации, которые привели к крушению привычной картины мира, сформировавшейся в период 2000-2010 г.г. Большинство сформировавшихся ожиданий у различных групп населения страны, оказались несостоятельны либо были реализованы часто с неожиданно обратным эффектом.

1. Разрушилось представление о том, что в Украине невозможен вооруженный конфликт – по причине существовавшего представления об особой миролюбивости украинцев и их способности решать любые проблемы путем договоренностей. Изменилось представление о соотечественниках – готовых к применению насилия оказалось гораздо больше, чем считалось раньше. Также переменялось отношение к невозможности конфликта Украины с Россией – невозможности по причине общего исторического прошлого, наличия множества родственных связей, интересов бизнес-групп и общей причастности к европейской культуре.

2. Произошел слом представления о том, что Украина полностью защищена системой международного права и практическими гарантиями ключевых мировых государств, в том числе в вопросе территориальной целостности.

3. Радикально переменялось представления о «добром большом Западе», который готов оказать безусловную поддержку Украине в её стремлении обрести политико-экономическую независимость, как и представление о легкости самого перехода в состав клуба преуспевающих стран. Соседние и недавно партнерские государства оказались разными, прагматичными и лишенными моральных сантиментов в своей внешней политике.

4. У части населения страны произошел слом взаимных региональных стереотипов. Юго-восток Украины проявил себя как не пассивный и патриотически настроенный регион, в котором есть силы, активно поддерживающие аутентичность украинской государственности и готовые к применению вооруженного насилия в активной ее защите. В тоже время Запад страны показал свою готовность к общей равноправной вовлеченности в процессы государственной политики, способность понимать и принимать особенности других регионов.

Противоречия вышли за рамки экономического и политического пространства, затронув личный мир большинства населения. Образ единого социального пространства страны, объединенного перспективой ближайшей евроинтеграции и решением всех проблем на этой основе, был разрушен. Это, в частности, вызвало к необходимости формирования идеологической программы под лозунгом «Украина – единая страна», показав таким образом проблематичность данного утверждения относительно реального политического пространства.

Страна оказалась фактически разделенной на несколько анклавов с различными политическими и правовыми практиками, часть населения живет на неконтролируемых центральной властью территориях, не участвуя в её формировании и не имея возможности полноценно представлять свои интересы.

В новой повестке жизни страны (2014г.) население оказалось в новой для себя ситуации: на уровне локальных событий население стало экономическим и политическим ресурсом властных группировок, а на уровне глобальных - заложником, обитающим на территории разворачивания геополитического конфликта между мировыми державами. Как одна, так и другая повестка, которые фактически определяют жизнь миллионов людей, не имеют ни внятного понимания, ни смыслового наполнения для большинства населения. В массовом сознании используются образы известных общественных процессов и состояний: «Отечественная война», «гражданская война», «революция», - которые не адекватны происходящим исторически новым процессам, не дают осознания и практического понимания динамически развивающимся событиям.

Это ведет к усложнению общественного сознания – когда участники событий находят консенсус лишь по отдельным вопросам и зачастую лишь под воздействием средств массовой информации, будучи не в состоянии сформулировать собственное видение и интересы.

Большие общественные группы утрачивают субъектности и оказываются не в состоянии выступать акторами, способными к осмыслению своего интереса и стратегий его практического воплощения. Поэтому процесс создания социальных связей становится возможным лишь в очень узких группах и по отдельным вопросам (например, в форме волонтерства). Это делает все более проблематичным формирование устойчивых социальных связей, образующих целостное общество как устойчивую структуру. Общественные институты (прежде всего экономика и политика) утрачивают свою нормативно-ценностную значимость, перестают восприниматься как значимые и прикладные формы обеспечения социальной жизни. В силу этого, большие массы людей на протяжении уже более года переживают фрустрацию, сильнейший психо-эмоциональный шок, который проявляется в различных формах:

- стремление ценой любых жертв (желательно не с личной стороны) быстро покончить с конфликтом

- эскапизм (эмиграция, выбор нового сообщества для проживания - внутренняя миграция или эмиграция, уход в частную жизнь).

- рост изоляционистских настроений, как в частной жизни, так и на уровне региональных общин

- стремления понять новизну ситуации со своей («народной») точки зрения, найти соответствующую идеологию и сформировать свое политическое представительство. Это стремление безуспешно – однако проявляется в анархо-синдикалистских настроениях, которыми успешно манипулируют политические и экономические группы в регионах.

Кроме причин объективного характера (изменение экономических, политических реалий страны) на восприятие её событий влияют и причины субъективные – прежде всего связанные с гибридным характером войны. Гибридность предполагает большую роль информационных воздействий на население, ведущихся на всех уровнях коммуникации, влияя на все стороны мировоззрения. В такой ситуации происходит сегментация и общественного сознания - единая и последовательная картины происходящего, которая опиралась бы на известные населению исторические образы войны («Вторая мировая», «Афганистан») в массовом сознании не сложилась. Восприятие войны остается крайне неоднозначным – не смотря на значительные усилия государственной пропаганды, принятие законов и деятельность активистов из сферы гражданского общества.

Под влиянием противоречащих друг другу информационно-пропагандистских кампаний, в условиях нараставшего много лет хронического недоверия к власти, всем политическим институтам, а также средствам массовой информации, растет амбивалентность массового сознания.

Неопределенными остаются как видение войны, так и пути её завершения, единый образ возможного мира также не сформирован.

В ситуации гибридной войны на первое место в формировании повестки жизни общества вышли «новые медиа», традиционные СМИ были вытеснены на второй план. Значительную, если не определяющую роль в динамике образов войны играют информационные кампании, проводимые различными субъектами в СМИ и социальных сетях. Все это порождает нестабильность массового сознания и, как следствие, неопределенность поведения людей в войне на всех её этапах.

Рассмотрим отдельные аспекты, характерные для массового сознания жителей современной Украины.

1. ***Неоднозначное понимание причин войны.***

Война так или иначе связывается непосредственно с событиями, которые были инициированы Майданом-2013, сконцентрировавшем на себе проблематику отношений между олигархическими группировками в Украине, а также палитру отношений между геополитическими игроками на международной арене по поводу проекта Украины.

Тема войны присутствовала в риторике СМИ и самих участников Майдана – однако изначально лишь в фигуративном смысле, как образ и символическое выражение непримиримости различных сил Майдана к тому, против чего они вышли.

Образ войны объединял различные темы борьбы:

- за европейское будущее против олигархических групп, захвативших государство;

- против коррупционных политиков;
- отдельных политических сил (партий) за власть;
- за свободу предпринимательства;
- за возможность региональных общин участвовать в государственной политике;
- протест против насилия со стороны силовых структур
- протест против обнищания.
- протест против не проясненного образа будущего и отсутствия ясного проекта развития украинского общества: против политического и экономического «застоя»

Все это легитимировало в массовом сознании повышение уровня насилия, делало понятным и оправданным факт использования оружия как последнего инструмента решения политического конфликта. Особенно активно образ происходящего именно как войны «надувался» в социальных сетях – давались милитаристские оценки, применялась соответствующая риторика и терминология для описания хода событий. Традиционные СМИ следовали в логике этой риторики, используя те же средства организации коммуникативных процессов, интерпретируя происходящее как войну против врагов, не имеющих перспектив кроме своего полного поражения.

Поэтому переход от «войны на Майдане» к «войне на Донбассе» стал достаточно «органичным» – что, с одной стороны, легитимировало войну в глазах сторонников Майдана, а с другой – породило массу иллюзий относительно того, какой может быть реальная война. Война виделась некоторым подобием событий на Майдане, названных войной. Иллюзии стали развеиваться в ходе разворачивания реальных военных столкновений и, в частности, военных поражений 2014г.

В глазах же людей, не принимавших Майдан, он стал прямой причиной войны и его участники, независимо от их мотивов, стали восприниматься как разжигатели войны, принесявшие её в их дом.

Образ врага в массовом сознании, поддержавших майдан людей, изначально присутствовал в качестве «повергаемого зла», не способного оказать какое-либо существенное сопротивление по причине отсутствия за ним «жизненной правды». Победа в Киеве представлялась на начальном этапе решающим, окончательным сломом ситуации, который оставалось лишь закрепить в остальных регионах страны.

Война как событие превратилась в войну как состояние жизни общества, которое имеет тенденцию закрепиться. Приемлемым и нормальным стало восприятие событий войны как проявлений

деятельности внешних сил. Глобализация и интернационализация событий воспринимаются как естественное их развитие, общество видит себя в антураже уже не только проблем национального становления, но и как фактор борьбы внешних сил, решающих свои задачи. Иными словами, общество стоит на пороге такого состояния, когда оно будет нуждаться в войне и воспроизводить её – несмотря на то, что это губительный для него процесс.

Конфликт, обозначенный в общественном сознании как война в течение весны-лета 2014г. вышла за пределы политического процесса и затронул как украинское общество в целом, так и множество стран мира. Произошло втягивание в него множества новых участников – официальных и неофициальных (добровольческих) военных формирований, отдельных групп участников из Украины, России и других стран. Эти группы имели различное происхождение и различные интересы, в рамках которых участвовали в создании образа войны в массовом сознании.

В этих условиях сформировался ряд образов войны уже как собственно вооруженного организованного противостояния между сторонами. Эти образы сегодня пытаются усилить и использовать либо дискредитировать и подавить стороны, ведущие войну в информационном пространстве.

Сторона-противник порожденных майданом сил была идентифицирована изначально как враждебные Украине «сепаратисты», противники украинского «будущего», поддерживаемые Российской федерацией, позже - как оккупационные «российско-террористические войска».

С другой стороны сформировался образ пост-майданных сил как радикально-националистических, поддерживаемых Западом экстремистов и фашистов.

Образ врага складывается достаточно сложно, что населению психологически более приемлемо видеть «врага» как внешнего субъекта – потому, что иначе необходимо признать отсутствие единства общества, присутствие рядом с собой потенциально опасных соотечественников. «Антиукраинские силы» позиционируются в массовом сознании как внешние «враги», располагаемые за буквально территориальной линией разделения. Война как некий внутренний конфликт в сознании значительной части населения трансформировался в образ войны как агрессии со стороны конкретного сопредельного государства – Российской Федерации. При этом в качестве главного виновника конфликта стал выступать В.В.Путин как демоническая личность. Причинами агрессии принялось называть его личностные психологические качества - его неадекватность и иррациональность.

Поскольку именно В.В.Путин превратился в центральную фигуру продолжающейся войны (которая в представлении людей без его участия должна была либо не начаться вовсе либо закончиться в считанные часы), возникли компенсационные представления о скором окончании войны, которое непременно

произойдет после безусловно скорой гибели путинского режима: от политического переворота до территориального развала, терпящего экономический коллапс государства. **Поэтому любая остановка военных действий, пауза в войне воспринимается как способ приближения победы (дождаться развала противника), но не этап в примирении, исходя из сложившихся реалий.**

Все, что противоречит такой картине происходящего, отрицается массовым сознанием – налицо феномен квази-религиозного восприятия реальности.

По этой же причине тема достижения компромиссов путем переговоров, формула «Минск-2» не воспринимается как формула завершения войны – поскольку сторонниками продолжения войны видится ближайшая перспектива абсолютной победы над «колоссом на глиняных ногах», причем на территории самого противника.

Жители Украины если и отвечают на вопрос «С кем воюем», то затрудняются однозначно ответить «за что воюем». Ответов «за что воюем» множество и они не до вполне последовательны и рациональны: «воюем за мир у себя дома», «воюем, чтобы не было войны» «воюем за свою землю», «воюем за будущее».

Кризис доверия к власти на фоне коррупционных скандалов, привел к тотальной деморализации граждан и трансформации образа «защитника» в образ «пушечного мяса». Повестка «врага» не до конца прояснила его собственный образ: призыв защитить строительство нового политического, социального и экономического порядка контрастирует с негативными процессами в политике ее реализации. И врагом становится как вооруженный противник на фронте, так и «своя» коррумпированная власть.

На этой почве распространяется «обывательский эскапизм» - население стремится выйти за рамки социума, как бы говоря «Уйдите все!». Такое поведение имеет место на всей территории Украины - люди в массе не поддерживают ни спекулянтов-патриотов ни сепаратистов, называя первых «вышиватниками», а вторых «ватниками». Все это порождает нарушение военной дисциплины, дезертирство, уклонение от призыва, что особенно характерно для жителей прифронтовых территорий. Находясь в эпицентре боевых действий, люди стремятся избежать идентификации в системе «свой-чужой», необходимости примкнуть к одной из противоборствующих сторон.

Для жителей Восточного Донбасса характерно переживание крушения мифа о Путине как «собирателе русских земель, возрождающего СССР». После ожидания скорой реализации «Крымского сценария», на фоне общей дестабилизации жизненного пространства и угрозы самой жизни региона, растет социальная аномия. Ожидаемые деолигархизация, декапитализация и присоединение к России либо автономизация в составе Украины вылились в бандитский беспредел и неясность дальнейшей судьбы.

В таком состоянии массовое сознание нестабильно и может быть подвержено переключению на новый сценарий дальнейших событий – возможный как разрушительный, так и конструктивный.

Существенным фактором также становится и более глубокое изменение гуманитарного пространства – отношение к человеческой жизни, образующее основу общего восприятия жизненного пространства сегодняшней Украины. После визуализации фактора насилия в конфликте через серию избиений и похищений знаковых персонажей. Первая насильственная смерть на Майдане, (убийство Сергея Нигояна), стало в свое время наибольшим резонансом для украинского общества, символически открыв и спровоцировав начало массового физического насилия как общественного процесса, сопровождающегося изменением состояния массового сознания. Насильственная смерть, которая раньше представлялась как отдаленное экстраординарное событие, как публичный вызов общепринятому безоговорочному табу, стала обыденным происшествием, принимаемое как допустимое, тривиальное, а иногда и «необходимое зло». Трагические смерти «Небесной сотни», как и смерти правоохранителей, в период событий Майдана, привнесли в массовое сознание новое, иное восприятие смерти и отношение к жизни. «Живая» картинка массовых расстрелов протестующих и их же силовой ответ правоохранителям создали, в том числе усилиями средств массовой информации, новое представление о цене общественно-политических преобразований, цене решений социальных противоречий. Притом, речь следует вести о создании двух полюсов нового - «легкого» отношения к смерти.

В мирное время даже более масштабная гибель людей также была известным фактом – смертность на дорогах, в больницах превышала размеры утрат, понесенных в ходе военного конфликта. Но эта смертность воспринималась как трагическая неизбежность, с которой в принципе ничего нельзя сделать быстро. Военный же конфликт заставляет воспринимать массовую смертность как некоторую общественную необходимость.

С одной стороны, смерть борца-защитника за идею, которая имеет общую для некоего большинства поддержку, воспринимается в категориях деперсонализированного героя: от «борца Небесной сотни» до «киборга», которым «смерть за общее благо» определенным образом делегирована. По этой причине восприятие общественным сознанием их гибели имеет статус понятности, естественности, даже благодарности за то, что эта удаленная трагедия не затрагивает их жизненный мир. Люди получили этическое оправдание того факта, что они стали принимать смерть облаченных в мифологизированный образ «героя» и «антигероя» как цену сохранения своего образа жизни. **Смерть, таким образом, становится позитивной общественной ценностью, принимает в украинском обществе статус своего позитивного логического обоснования, при этом снимается повестка борьбы за уникальность индивидуальной жизни. При этом отрицается принцип ненасильственного разрешения конфликтов как основа жизни общества.** С другой стороны, жизнь условного противника, «врага» большинства, как на фронте, так и в обыденном пространстве приобретает статус отчета, статистики. Риторика войны позволила обесчеловечить, обесценить жизнь тех «других», которые в массовом сознании

превращены в безоговорочную опасность для жизненного проекта большинства. Цифры уничтоженных «орков», «укров» - людей погибших по обе стороны фронта, перестали шокировать или вообще вызывать какие-либо эмоции в украинском обществе. Когда смерть становится массовым событием, она перестает шокировать, легитимируя таким образом насильственный способ решения любого идейного несогласия, неприязни, конфликта интересов и т.д. Эта практика распространяется и на другие сферы жизненного мира человека, делая обыденный мир таким, в котором присутствует насильственная смерть как совершенно допустимое «событие» а те, кто могут её причинить – полноценными и приемлемыми участниками общественной жизни. Украина как пространство мира и согласия трансформируется в массовом сознании в пространство допустимого и даже оправданного лишения жизни в обмен за сохранение существующего общественного порядка. Гибель ребенка при обстреле, убийство журналиста, расстрел правоохранителей, самоубийство политика – такие и им подобные события спокойно стали восприниматься в общественном сознании как принимаемый позитивный факт, а также как приемлемая практика, легкий способ решения «проблем» в обществе. И трагичность смерти, и ценность жизни как переживания все больше сужаются до круга личного жизненного пространства, исключая оттуда остальное общество.

В силу этого возникла тенденция неприятия политиков такого типа, который соответствует состоянию мира – «чистоплюев», классических публичных деятелей, апеллирующих к общественному мнению и законности, а не к настроениям отдельных общественных групп и революционной целесообразности. Отрицание такого рода политических деятелей преподносится в СМИ часто как образец правильного поведения новой политической элиты, как признак её обновления, прихода новых сил с благородными намерениями, носителей будущего. В этом же контексте отрицание поиска компромисса считается правильной позицией в политическом диалоге.

Все более приемлемой и одобряемой в публичном дискурсе становится практика физического принуждения или угрозы насилем чиновникам, причастным к принятию политических, судебных, хозяйственных решений – что рассматривается как признак борьбы с коррупцией, победой «сил добра», наказанием преступной власти и её приспешников. Часто откровенно заказной, связанный с интересами конкретных бизнес-групп, характер таких акций не воспринимается массовым сознанием в его реальном смысле поскольку оно использует идеологические категории. Более того, находит поддержку представление, что в отношении преступников закон не должен действовать, необходимы чрезвычайные меры наказания прямым насилем. Институтом установления вины и определения меры наказания часто становятся СМИ, социальные сети или группы активистов, общественное сознание идеологизировано.

В обществе, таким образом, происходит девальвация жизни как фундаментальной гуманистической ценности. При том, что именно ценностный европейский выбор лежал в основе публичного дискурса

оформления событий, имеющих отношение к войне, возникает противоречие между декларируемой целью и средствами её достижения.

Неоднозначное восприятие перспективы завершения войны.

До августа 2014 года в массовом сознании большей части населения присутствовало ожидание скорейшей победы в «войне Добра со Злом» силой оружия. Отношение к возможности завершения конфликта путем победы силой оружия поменялось после военных неудач, а также в силу осознания цены военных потерь в экономическом и человеческом измерении. Возникло понимание перспективы втягивания в военный конфликт с российской армией. Поэтому к вопросу о том, возможна ли военная победа сегодня отношение неоднозначное, преимущественно негативное. **При том неоднозначным остается и восприятие возможности достижения мира путем переговоров.**

- Во-первых, нет представлений о том, с кем возможны переговоры влияющие на завершение войны – В.В.Путин отказывается от роли стороны-переговорщика, а руководство ДНР и ЛНР воспринимаются как марионеточные, нелегитимные, неприемлемые.

- Во-вторых, неясно как жить потом, после войны в одной стране вместе с жителями Восточного Донбасса, как проводить общую внутреннюю и внешнюю социально-экономическую и культурную политику

- В-третьих, нет ясных представлений о том, кто именно воюет сегодня «за Украину», как организована военная операция со стороны Украины – каково количество и способы взаимодействия официальных и неофициальных мелитарных соединений.

В условиях продолжающегося разрыва перспектив дальнейшего развития страны в общественном сознании возникла негативная амбивалентность – неприятие войны и неприятие компромиссов по достижению мира. Многие варианты компромисса с сепаратистами – неприемлемы, но в то же время неприемлемо и продолжение войны. Сценарий событий, запущенный Майданом, завершается и возникает осознание того, что «так дальше жить нельзя», однако как именно «нужно жить» – неясно.

Возник феномен готовности достичь мира ценой избавления от «других» – поскольку война потеряла смысл, возникла усталость от войны, нет образа победы. Вначале воевали за территорию, землю, сейчас в риторике войны появилось население, которое оказалось «разным», не таким как было в образе «единой Украины» изначально. С весны 2015 г. возник и стал укрепляться дискурс, предполагающий если не отделение, то изоляцию Донбасса со своими проблемами в обмен на мир и социальную стабилизацию страны. Формула «во всем виновата война» стала работать наоборот – «давайте заплатим цену войны и тем самым решим все проблемы, в которых она является причиной». То, что отделение мощного индустриального региона страны лишь усугубит комплекс

экономических и политических проблем других регионов, не прочитывается массовым сознанием, находящимся в перманентном шоке от войны.

Согласно данным проведенного с 6 по 18 мая 2015 г. во всех административных областях контролируемой официальными властями Украины репрезентативного опроса (было опрошено 3609 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, статистическая погрешность не превышает 2%), большинство населения готово принять формулу завершения конфликта «мир в обмен на Донбасс».

На поставленный вопрос «Некоторые считают, что сейчас главное – прекратить войну на Донбассе, даже если придется отказаться от оккупированных территорий. Другие считают, что Украина должна продолжить воевать пока не установит контроль над всеми оккупированными территориями. Какая точка зрения Вам ближе?» были получены следующие данные:

Главное – прекратить войну на Донбассе, даже если придется отказаться от оккупированных территорий	1,8	6
Украина должна продолжить воевать пока не установит контроль над всеми оккупированными территориями	2,9	2
Затрудняюсь ответить	5,3	1

Однако желание большинства обрести мир через отказ от воюющих территорий не означает однозначность представления об условиях и механизмах данного «расставания». Отсутствие внятной официальной политики в вопросе разрешения войны и организованных процессов общественного обсуждения данной проблемы порождает множество взаимно противоречивых представлений о мире: от взаимного признания между противоборствующими сторонами, до варианта тотального разрыва всех социально-экономических связей, с желательными катастрофическими последствиями для другой стороны конфликта.

2. *Новые лидеры и новые идентичности.*

Неопределенность идеолого-политической трактовки войны и неэффективность работы государственного аппарата привели к появлению самоинициативы, самоуправления и самоорганизации граждан. Стали возникать новые формы локальных идентичностей (которые соответствуют деятельности по

обслуживанию войны и выстраивают новое видение перспектив государства), а также новые формы социальной активности – прежде всего волонтерства.

По всей Украине развернулась сеть волонтерства, в которую оказались вовлечены как инициативные граждане, так и те, кто был вынужден помогать своим родственникам, землякам по причине плохого материального снабжения армии и силовых структур, отсутствия механизмов обмена пленными и эффективной врачебной помощи раненым. Хотя в отдельных случаях волонтеры превращаются в бизнес цепочки, смыкаются с коррупцией, у людей в целом сформировалось очень положительное отношение к ним – они воспринимаются как новые народные герои.

Волонтерство сделало процессы поддержки войны адресными и часто персонифицированными. С одной стороны это позитивная компенсация недостатков государственной машины, с другой – дальнейшее разделение общества на «своих», которым оказывает поддержку громада, и «не своих», о которых должны заботиться другие. Соответственно этому возникла и палитра отношений в обществе к волонтерству – от поддержки до недоверия и негативного отрицания их деятельности.

В процессе самоорганизации возникли новые позитивные и негативные символические представители отдельных аспектов войны. Примечательно, что обе стороны конфликта используют в идеологической борьбе образы и символические атрибуты Второй мировой войны – фашистов, оккупантов, захватчиков, героического сопротивления, партизан, народной войны и т.д. Позитивный атрибут получили такие новые символизации как «киборги», «комбаты», «атаманы». Параллельно, негативную коннотацию несут «криминально-бандитские группы», «бытовые сепаратисты», «бандиты-сепаратисты» и т.д.

Заметим, что с точки зрения противников майдана все обстоит наоборот: негативными фигурами являются «хунта», «жидобандеровцы», «каратели», а позитивными – «воины народного ополчения», «антифашистское сопротивление» и т.д.

Молчаливое большинство воспринимает обе группы одинаково отрицательно, видя в них олицетворение тех сил, которые от состояния мира привели общество в состояние войны и втягивают в этот процесс тех, кто не имеет своей позиции.

Все это создало проблему утраты силы символов, солидаризирующей и фиксирующей нормативные практики. Активная манипуляция символами привела их к инфляции в виртуальные пропагандистские знаки. Риторика борьбы и войны лишает дискурс компромисса и возможности новых общих символизаций общественного компромисса.

В ходе разворачивания событий «Майдан-аннексия Крыма – Донбасс – война с РФ» в массовом сознании населения Украины и России возник новый феномен «немые чужие», связанный с отсутствием приемлемых образов

восприятия обществ РФ и Украины. В предыдущий период население имело уверенность в том, что имеет знание о понимании «братского народа». После этих событий украинское общество россиянам стало представляться как непонятно почему воспротивившееся ожидаемой модели поведения (поддержки проекта Новороссии) внезапно чуждое общество («укропы», «хохлопитеки») с отдельными вкраплениями «своих», которых можно поддерживать и нужно спасать. Подобный эффект произошел и с образом российского общества – «москаля» стали вдруг агрессивны-враждебными, среди которых существуют отдельные «светлые личности» выступающие против режима Путина и в поддержку Украины в её нынешнем виде.

Информационное пространство, в котором возникают образы событий сегодня жестко разделено не только технически (ограничения на доступ к СМИ), но и концептуально – в обороте присутствуют средства описания одних и тех же событий, при помощи которых в массовом и индивидуальном сознании формируются противоположные их образы и значения. Так, за время протекания конфликта в коммуникативных средах сформировался феномен «социально-психологической зомбификации» образа населения по обе стороны конфликта. Население, проживающее на территории, контролируемой сепаратистами, представляется как несамостоятельные, управляемые, забытые люди, действующие лишь по принуждению, подвергаемое бессмысленному страданию со стороны структур власти. Таким же представляется и население, проживающее на территории остальной Украины – но уже в коммуникативном пространстве и сознании жителей территорий подконтрольных ДНР, ЛНР и в России.

Помимо двух существующих непримиримых мифологизированных образов конфликтующих сторон, в пространстве украинского общества зарождается, еще четко себя не определившая, «третья идентификация» - «другая Украина». Украинцы «третьей идентичности» могут предстать как носители «третьей картины мира». Такая идентичность может сформироваться как отрицающая действующие стереотипные представления об Украине-Новороссии и Украине-Бандеровщине, в рамках такого отрицания эти стереотипы могут быть показаны как навязанные политическими событиями, но в действительности чуждые «настоящей Украине». В общественной сфере проявляется позиция ищущая выход из конфликта, на противовес двум существующим полярностям, не готовым к совместному существованию. Это позиция поиска некоего нового варианта интегрального объединения вокруг проекта Украины. Позиция «третьего пути» пока что формируется как отдельные, еще не очень сильные, попытки бесконтурной новой картины Украинского мира, параллельно осознавая, что в самой войне нет ответа.

В ситуации неопределенного будущего идет поиск вариантов развития страны, что обострило противоречия между бытовавшими ранее концептами и привело к появлению новых. Наиболее актуальной стала проблематика путей деолигархизации, децентрализации, геополитического выбора, а также развития Украины как единой политической и этнической нации. Последнее время стало распространено апеллировать к молодежи как единственного носителя адекватных менеджерских способностей и идей, способных реформировать

государство, «запущенное» старыми кадрами. Причем, последние характеризуются в своем опыте и способностях лишь в негативной коннотации.

Тема мифологизации молодежи как «мессии будущего», призванного изменить Украину и сделать её качественно иным обществом, заслуживает отдельного рассмотрения. Заметим кратко, что проблема разрыва поколений в обществе, где катастрофически нарастает демографическая проблема, а выпускники школ из года в год в опросах указывают эмиграционные ориентации, не осмысливается должным образом. Бытовавшее прежде представление населения о себе как образованном и интеллектуальном, свойственное поколениям, формировавшимся в СССР, сталкивается с категорическим его неприятием как носителей негативных общественных ценностей – «совка». Молодежь в политике наделяется сверх-ценностью в силу возлагаемых на неё сверхзадач – что далеко не всегда соответствует мировоззренческим, образовательным её свойствам и навыкам. Мессианские настроения и восприятие себя как носителя абсолютной истины культивируются в молодежной среде часто и сознательно средствами идеологического воздействия, превращая её в инструмент сведения счетов между бизнес-группами и политическими кланами, что может привести к фрустрациям массового сознания целого поколения жителей Украины.

Характерной чертой новостного пространства стало (параноидальное) сворачивание его тематики до узкого набора - проблем связанных с АТО, коррупционных скандалов и дискредитации всего, что имеет отношение к России.

Международные события преподносятся также в этом контексте. В такой оптике Украина не существует помимо войны, а мировое сообщество не существует вне контекста Украины. Все, что не вписывается в такой медийный дискурс, объявляется либо недостойным внимания, либо происком враждебной пропаганды.

Наиболее часто дискуссии между сторонниками различного видения будущего страны ведутся с применением самой различной аргументации – от прямого запугивания («кто не с нами, тот против нас»), до дискуссий с применением интеллектуальных аргументов. При этом дискуссии ведутся в рамках установленного набора тем и форматов, исключающих (явной или неявной отсылкой к тому же насилию) возможность обсуждать отнесенные к «враждебным» темы и постановки вопросов.

Вытеснение неприемлемых к обсуждению тем возрождает непубличное пространство коммуникации – забытую советскую «кухню», где люди обсуждают вопросы, на которые в публичном пространстве говорить запрещено. Эта «кухня» существует особо остро в социальных сетях, используемых для проведения информационных спецопераций.

Украина демонстрирует признаки «закрытого общества» - в котором социальный и информационно-коммуникативный процессы не совпадают.

Медийные фигуры, нарушающие этот запрет, подвергаются в публичном дискурсе обструкции и преследованию, что делает их символическими представителями вытесненной из политического пространства оппозиции.

По прошествии года нерасследованным остается ряд событий, ряд ключевых событий в процессе разворачивания силовых противостояний: расстрел «Небесной сотни», события 2 мая 2014 г. в Одессе, майские события в Мариуполе, обстоятельства поражений в Иловайске и Дебальцево, отсутствуют данные о погибших и раненых. У части населения сформировалось убеждение, что расследование этих событий противоречит интересам отдельных лиц, находящихся у власти. Это усиливает ощущение дистанцированности политика от общества.

Радикальное политическое крыло, используя свое главенствующее положение в деле военной мобилизации (в т.ч. волонтерской деятельности и добровольческом движении), акцентирует внимание на этническом, этнокультурном аспекте, игнорируя гражданский и политический аспект национального развития Украины. Представители радикально ориентированных групп, вынуждают общество принять их концепт нации – построенный на явном или неявном признании превосходства этнического украинства и русофобии как идеологии и исторической участи украинцев.

В пространстве коммуникаций такого рода сформировались два культурных образа субъектов внутренней общественной жизни, борьба между которыми определяет жизнь общества - «патриот» и «бытовой сепаратист, пятая колонна». От сторонников радикальных политических сил все чаще звучат требования повышения государственного насилия по отношению к «бытовым сепаратистам» (вплоть до лишения гражданства и уголовного наказания). Таким образом, одним из следствий войны становится экспансия политического этнического радикализма на мир повседневной жизни граждан Украины, инициирование доноительства и преследований за идеологические и политические взгляды.

В процессе разворачивания конфликта сформировался феномен нового «русского национализма» как части мифологии событий на Донбассе. Часть активных участников событий выступали под лозунгами обновления России, которое начнется с освобождения «Новороссии» (Гиркин, Мозговой). В свете того, что такая позиция выглядит как фактор дестабилизации политического пространства РФ, проект «Новороссия» был постепенно свернут. В связи с этим, СМИ РФ, говоря о киевской власти, перестали употреблять термин «хунта», заменив его термином «Украина – несостоявшееся государство». Такая смена акцентов произошла еще и в контексте изменения образа конфликта в международных СМИ, где легитимировался и установился образ происходящего как «агрессии на Украину со стороны РФ, в противовес трактовке логики конфликта как «гражданской войны в Украине». Власти РФ учитывают, таким образом, потенциальную взрывоопасность событий на Донбассе, могущих послужить детонирующими для дестабилизации политического пространства РФ под лозунгами «обновления России». Возврат к риторике, представляющей события как исключительно внутриукраинские, позволяет представить конфликт

как не имеющий к РФ отношения внутриукраинский феномен «недогосударства» («хрупкого государства»), поддерживаемый странами Запада, по отношению к которому РФ стремится занять стабилизирующую позицию.

В целом общество расколото на множество коммуникативных пространств, которые часто противоречат друг другу, СМИ в режиме пропаганды выполняют скорее разделяющую, нежели объединяющую различные общественные группы функцию.

3. *«Призрак третьего Майдана».*

При отсутствии ясных перспектив завершения войны, милитаризации и роста экономических проблем, сопровождающихся расшатыванием института власти, ширится кризис доверия к власти, наблюдается рост протестных настроений. Все это власть пытается компенсировать ужесточением политического режима, усилением полицейского аппарата. Одним из проявлений кризиса доверия стало разочарование в Порошенко, который не выполнил миссию миротворца, с которой был избран Президентом.

В обществе растет недоумение и недовольство по поводу того, что снабжение армии легло на плечи гражданской инициативы и повышения налоговой нагрузки на граждан и бизнес. Общество негативно оценивает низкую эффективность власти в условиях войны, особенно возмущают низкие организационные способности а также безответственность руководителей власти и военных командиров. Особой темой стали коррупционные скандалы вокруг военных поставок. При этом некоторый кредит доверия правительству и новым политическим силам сохраняется.

В общественном сознании постепенно нарастает недовольство политикой «затягивания поясов» в отношении народа и продолжающейся коррупцией со стороны представителей власти. Звучат оценки, что новая власть ворует еще сильнее и беззастенчивей, чем прежняя – при этом прикрываясь войной и святыми для многих украинцев патриотическими лозунгами.

Снижение уровня и качества жизни населения деформирует социальную структуру – зачатки «среднего класса» уменьшаются, растет маргинализация больших масс при том, что причастные к власти группы и социальные деятели обогащаются. Социальных компенсаторов снижению уровня жизни явно недостаточно, в условиях недоверия к власти и неопределенности ближайших перспектив страны (экономический спад, отсутствие реформ, отсутствие широкой поддержки со стороны стран Запада) нарастает социальный невроз, формы проявления которого будут видны в ближайшее время.

В этих условиях актуализируется повестка социальной несправедливости, растет социальный запрос на борьбу с олигархами, повышение уровня жизни, преодоление разрыва между богатыми и бедными. Со стороны власти общество слышит один ответ – надо терпеть до победы над Россией, а затем разберемся.

Социальный кризис, и рост нелегитимного, полуполигального насилия актуализирует рост преступности. Власть единолично уже не ассоциируется с криминалитетом, как это было раньше.

Дистанция власти и гражданского общества стала неопределенной – в отличие от предшествовавшего периода, в который они противопоставлялись. Общество сегодня не имеет четкого ответа на вопрос - Стала ли власть ближе к народу? С одной стороны революционные события инициировали процессы социальной мобильности – получили доступ к власти представители новых социальных групп, обновился личный состав власти. Но, с другой стороны, власть не демонстрирует реальной близости к интересам народа - ведет себя так же, как и предыдущая, а часто еще и хуже. Непрозрачность и коррупционная составляющая в использовании средств и принятии решений никуда не делись.

В обществе, столкнувшемся с таким поведением новой власти, возник эффект «парадокса реформ» - требование перемен (реформ) в силу необходимости изменить ухудшающуюся ситуацию и их неприятие в силу реального усугубления проблем. Общественное сознание одновременно генерирует запрос на либеральные реформы и консервативную стабилизацию.

5. *Искушение «простым решением».*

В обществе с милитаризованным общественным сознанием в условиях отсутствия военных побед, на фоне роста экономических проблем, затронувших широкие массы населения происходит усиление радикально-националистических и авторитарных настроений, что ведет к угрозы диктатуры.

Сохраняющиеся представления о возможности силового разрешения конфликта, сохраняющиеся представления о возможности победы над «разрушающейся Россией» и безальтернативности военной помощи со стороны стран Запада усиливает рост авторитарных настроений и, в условиях милитаризации общества, порождает запрос на «сильную руку».

Одной из предпосылок возможной диктатуры стало преодоление обществом «болевого порога», оно научилось воспринимать вооруженное насилие во всех сферах жизни как приемлемую практику, научилось терпеливо воспринимать увеличение количества жертв, нарушение правовых норм. От начала Майдана с шоком от избиения активистов и расстрелянной «небесной сотни», за полтора года общество привыкло к войне с тысячами жертв.

Готово ли общество платить за перестройку под радикально-националистический проект?

В известной мере готово – показывает отношение к антикоммунистическим законам, к возможности введения военного положения. Но в то же время ширится представление, что «Третьего Майдана Украина не переживет». Такую цену люди платить не готовы, однако в меняющихся условиях общественно-политической жизни это имеет все меньшее значение.

6. Послесловие

Влияние войны на общество изучается уже достаточно давно и следует помнить, что у общества объединяющая реакция на войну исторически краткосрочна - одна обычно длится год или два. Война создает ловушку идеологического сознания, в которой цели начинают видеться средствами, а средства – целями. Идеологические ценности и пропагандистская коммуникация, связанные с войной начинают восприниматься как некоторая самодостаточная цель, достижение которой в последующем гарантирует достижение других задач – политического и экономического развития. В то же время, экономические и политические задачи начинают пониматься как средство достижения идеологических – «единомыслия», «сознательности» на пути объединения против врага. Однако негативное объединение, объединение *против* общего врага имеет тенденцию постепенно распространяться и на внутреннюю жизнь самого общества – особенно на фоне неуспешных военных кампаний и растущих экономических проблем. Формула «расцвета после победы» игнорирует фактичность экономических и политических процессов в обществе. Конфликт рано или поздно переходит из стадии сплочения против внешнего врага в стадию внутренних расколов, разборок и конфликтов. При этом обе стадии могут продолжаться одновременно. Естественно желание многих, чтобы Украина проявила себя как исторически беспрецедентное сообщество людей, чтобы она стала исключением в ряду исторических аналогов, однако рассчитывать на это практически было бы излишне самонадеянно.

Управление образом врага имеет свои объективные ограничения – эффективность пропаганды и других средств воздействия на массовое сознание ограничено горизонтом устойчивости жизненной среды. А жизненная среда современного украинского общества отличается от её образов в массовом сознании, опирающихся на идеологические стереотипы. Проявившая себя неадекватность представлений о её «пророссийскости» сопровождается такой же неадекватностью о её «национал-бандеризированности». Жизненная среда Украины очень сложна – информатизирована, глобализирована, диверсифицирована, технологически насыщена, многомерна и динамична. Нельзя исключить того, что некоторые компоненты, составляющие сегодня часть образа внешнего врага, будут восприниматься частью населения как ресурс в борьбе с внутренним врагом. Специфика нынешнего конфликта состоит еще и в том, что население Украины имеет множество культурно-исторических, личных родственных связей – которые сегодня попали в рамку общего определения ситуации как неприемлемых. Необходимость разрывать эти связи в рамках участия в конфликте создает напряжение как на уровне отношения к РФ, так и на уровне отношения к собственному государству.

Огульное неприятие всего «русского» привело к черно-белому мировоззрению. Эмоциональное отношение к России как врагу во время войны сегодня проецируется на все, связанное с Россией – как общественное, так и личное, распространяется на прошлое и будущее. Это затмевает разум, заставляет забыть о том, что почти каждый пятый гражданин в Украине этнический русский – но не гражданин России. Язык войны демонизирует все

связанное с «русскостью», обозначает эту идентичность как негативную и враждебную, принадлежащую традиции исключительно российской государственности и не имеющую отношения к историческим судьбам Украины. На телевидении и в пропагандистских материалах время от времени появляется информация о «русскоязычных украинских националистах», но при этом в массовой коммуникации не артикулированы те, кто имеет другую точку зрения – отрицает или не приемлет украинский национализм, находясь не по собственному выбору в положении внутреннего культурного эмигранта. А это фактически означает, что из дискурса исключена значительная часть населения, культурные идентичности которой не находят своей артикуляции в образах сегодняшней Украины, формируемых властью и средствами массовой информации.

В такой ситуации очень многие люди находятся в состоянии длительного когнитивного диссонанса и фактор времени приобретает критическое значение. Им очень сложно долго воспринимать Россию и русский народ в качестве врага – поскольку это затрагивает их собственную идентичность и общественные связи. Однако этот образ врага уже создан и присутствует особенно выражено в том сегменте публичной коммуникации, который имеет отношение к сегодняшней центральной власти в Киеве. Центральные политические элиты часто забывают, что остальная Украина очень разнообразна и неэффективный центр по мере нарастания проблем воспринимается достаточно проблематично. Известно, что политические элиты, увлекающиеся формированием образа общества для других, часто сами попадают в собственную ловушку, начиная верить в этот образ как единственную реальность. В условиях когнитивного диссонанса востребованными оказываются альтернативные коммуникативные среды – от новых медиа в Интернете до слухов и межличностной коммуникации по телефону, прямой коммуникации в общинах и семьях. Многим кажется окончательно утвердившимся представление, что все русские – это враг населения Украины, однако исследования показывают, что в разных регионах это воспринимается по-разному. Население поддерживает лозунг «Украина – единая страна» в значительной мере под угрозой войны у себя дома. Киев очень часто не понимает регионы и это может обернуться непониманием его со стороны регионов – причем в краткой временной перспективе. Война становится все более непопулярной – готовы ли наши элиты отвечать на вопросы людей, которые скажут: «Давайте прекращать войну любой ценой!»? Лозунг «победа любой ценой» может смениться лозунгом «поражение – любой ценой». В этой связи бескомпромиссность как формула общественных отношений может поменять свою смысловую наполненность и превратиться в массовом сознании в отрицательную ценность. Поэтому с точки зрения удержания целостности страны имеет смысл думать о развитии консенсусности, поиске компромисса, которые необходимо сделать общественной ценностью. Общественное мнение сегодня инструментально заряжено и перегружено языком войны, оно объективно не готово к диалогу, к принятию компромиссных решений.

Именно в развитии инструментов консенсуса, языка общественного диалога, различных видений Украины как единой страны нашли бы свое конструктивное применение новообразованные Министерство информации и Институт национальной памяти.. Можно предположить, что хотя война в

ближайшем настоящем и привела к некоторому объединению, но уже в перспективе ближайшего будущего это объединение может стать объединением против центральной власти и основанием раскола страны на более существенном уровне, чем это было прежде.

Не следует забывать, что войну можно выиграть, лишь выиграв мир – то есть, создав общую основу мирной жизни.